

сами эсеры дали ему уничижительное прозвище «Ванька-Каин», свидетельствовавшее не только о его каторжном происхождении, но также об измене эсерам, склонности к интригам и организации политических убийств. Среди наиболее благозвучных прозвищ И. Михайлова были также «сибирский Борджиа» и «сибирский Макиавелли»²⁸. Когда один из оппонентов Михайлова заметил, что у того «руки в крови», колчаковский министр не смутился, а заметил, что они всего лишь в типографской краске. Тем самым Михайлов давал понять, что большую часть своего времени он проводит в типографиях, пытаясь улучшить качество сибирского рубля и наладить его массовый выпуск для удовлетворения «денежного голода» на востоке России²⁹.

После краха Белого дела И.А. Михайлов жил в Харбине, некоторое время работал на КВЖД, позже оказался близок к русским фашистам. В 1945 г. он был арестован в Маньчжурии органами СМЕРШ, вывезен в Москву и 30 августа 1946 г. расстрелян.

Не вызывает сомнений тот факт, что неизгладимый отпечаток на личность И.А. Михайлова наложила биография его родителей – «государственных преступников». Стремясь «выбиться в люди», он продемонстрировал не только целеустремленность, но и честолюбие. Обучение в Санкт-Петербургском университете стало важным этапом на пути формирования его как личности и способствовало стремительному взлету политической карьеры.

¹ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920: впечатления и мысли члена Омского правительства. М., 2007. С. 98–99.

² Вологодский П.В. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.). Рязань, 2006. С. 62.

³ Мелихов Г.В. Белый Харбин: середина 1920-х. М., 2003. С. 69.

⁴ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 3. Д. 53915. Л. 2 (Личное дело студента И.А. Михайлова).

⁵ Там же. Л. 22.

⁶ Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 119–126.

⁷ Будницкий О. Деньги русской эмиграции: колчаковское золото. 1918–1957. М., 2008. С. 32.

⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 53915. Л. 23.

⁹ Там же. Л. 4–4 об.

¹⁰ Там же. Л. 24, 26.

¹¹ Там же. Л. 2.

¹² Там же. Л. 20.

¹³ Там же. Л. 13–16.

¹⁴ Сорокин П. Долгий путь: Автобиографический роман / Пер. с англ. Сыктывкар, 1991. С. 60.

¹⁵ Там же. Л. 7.

¹⁶ Отчет о состоянии и деятельности Императорского Петроградского университета за весеннее полугодие 1916 года. Пг., 1916. С. 71–72.

¹⁷ Сорокин П. Указ. соч. С. 57.

¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 53915. Л. 32.

¹⁹ Новое Уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб., 1913. С. 43–44.

²⁰ Curriculum vitae Н.Д. Кондратьева // Кондратьев Н.Д. Избранные сочинения. М., 1993. С. 15.

²¹ Сорокин П. Указ. соч. С. 67.

²² Будницкий О. Указ. соч. С. 32.

²³ Кузнецова О.Н. Экономический совет при Временном правительстве России в 1917 г. // Новейшая история России. 2011. № 2. С. 19.

²⁴ Вологодский П.В. Указ. соч. С. 143–144.

²⁵ Отчет о состоянии и деятельности Императорского Петроградского университета за весеннее полугодие 1916 года. С. 71.

²⁶ Гинс Г.К. Указ. соч. Т. 1. С. 111–112.

²⁷ Вульф Д.Г., Ларьков Н.С., Ляндрес С.М. П.В. Вологодский и его дневник // Вологодский П.В. Во власти и в изгнании. С. 23.

²⁸ Будницкий О. Указ. соч. С. 34.

²⁹ <http://www.belrussia.ru/page-id-436.html> (дата обращения 12 июня 2013 г.).

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА ГАВРИЛОВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры Новейшей истории России исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)
Тел.: (812) 328-94-47; E-mail: olga_goo@mail.ru

В статье, посвященной известному публицисту правых взглядов Ивану Солоневичу, приводятся оценки, данные им профессорам Санкт-Петербургского университета начала XX в. Автор раскрывает концепцию русской революции, сформулированную Солоневичем и сводящуюся к мысли о том, что в революционных преобразованиях в России были в значительной степени виноваты представители гуманитарной науки.

Ключевые слова: И. Солоневич, Л. Карахан, Н. Крыленко, Санкт-Петербургский университет, юридический факультет, русская революция.

И.Л. СОЛОНЕВИЧ: «Я БОЛЕЕ ИЛИ МЕНЕЕ ОКОНЧИЛ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИМПЕРАТОРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ...» (Опыт сравнительной студенческой биографии)

В современном обществе чрезвычайно развито общение в социальных сетях, основу формирования личных связей в которых составляют бывшие одноклассники и однокурсники. Вот и ниже речь пойдет о студентах, обучавшихся на юридическом факультете столичного университета в предвоенные годы и канун революционных преобразований начала

XX в. Казалось бы, молодость вообще и студенческая пора в частности обычно вспоминаются с удовольствием. Яркое подтверждение тому разнообразные издания университетского проекта «Знаменитые универсанты», начало и развитие которого происходило при непосредственном участии автора статьи. Тем более удивительным оказалось познакомиться с бывшим универсантом,

оставившим едкие и нелицеприятные воспоминания о своих студенческих годах.

Иван Лукьянович Солоневич – журналист, спортсмен, плодовитый публицист правых взглядов, сумевший бежать из сталинской России, автор знаменитого произведения, переведенного на многие иностранные языки – «Россия в концлагере», и идеолог народной монархии. В современной России он фигура популярная, имеет своих биографов, издателей и последователей¹. Родился Иван Лукьянович 1 ноября 1891 г. в местечке Цихановичи Гродненской губернии. Его семья оказала определяющее значение на формирование личности будущего политического эмигранта, а монархизм он впитал если не с молоком матери, то под усиленным контролем своего отца, имевшего значительное влияние на сыновей, не только на Ивана, но и на Бориса, также спортсмена, беглеца из Советской России и литератора. Лукьян Михайлович Солоневич начал свой профессиональный путь как сельский учитель, затем подвизался чиновником в статистическом управлении и наконец занялся журналистикой, стал редактором газеты «Гродненские губернские ведомости», а потом издателем газеты «Северо-Западная жизнь» – крупных изданий западнорусской направленности.

Иван был физически развит, увлекался спортом, особенно интересовался футболом, хотя, по собственному признанию, футболистом был никудышным – не та комплекция. Усидчивостью, по-видимому, в юности не отличался, о чем свидетельствует история гимназического экстерната. В современных биографиях Солоневича этому уделяется подробное внимание. В кратком варианте она выглядит следующим образом: после третьего класса он гимназию оставил «главным образом потому, что гимназической рутине переварить не мог», а в 1912 г. во Втором Виленской гимназии «подвергся испытанию зрелости», да не слишком удачно: Закон Божий – 4; русский язык и словесность – 3; философская пропедевтика – 3; латынь – 3; законоведение – 4; математика – 3; математическая география – 3; физика – 3; история – 4; география и природоведение – 4; немецкий – 4; французский – 4². Как проходили годы ранней юности Ивана Солоневича, которые старательные ученики проводили на гимназической скамье, история и он сам умалчивают. Но, скорее всего, самообразование контролировалось отцом, который, рано заметив журналистские способности своего старшего сына, всемерно способствовал их развитию, приобщив его к семейному издательско-писательскому делу с ранних лет. Получив аттестат, Солоневич подал прошение о приеме в число студентов юридического факультета Санкт-Петербургского университета.

А что же наш сравнительный подход? Сразу оговоримся, что мы будем цитировать материалы еще двух студенческих дел, чтобы попытаться заполнить лакуны, оставленные в деле И. Солоневича. И здесь можно только сожалеть, что Иван, планируя побег из Советского Союза, в 1932 г. решил забрать из университетского архива ряд документов. Справка, отложившаяся в деле, написанная на клочке некоего бухгалтерского отчета, свидетельствует о том, что ему выдали метрику и аттестат зрелости. Удивляет отсутствие в деле каких-либо документов, касающихся собственно процесса обучения – матрикула, зачетных ведомостей, тем более что сам Солоневич в своих автобиографических заметках пишет о том, что окончил курс университета. Возможно, профессиональный журналист, обладающий навыками получения скрытой информации, сумел получить еще материалы из архива ЛГУ, чтобы иметь возможность на Западе при

необходимости подтвердить свое высшее образование. Это, конечно, лишь предположения, основанные на опыте работы с материалами студенческих дел универсантов этого периода.

Для того чтобы полнее представить, как проходило обучение на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета, мы просмотрели для настоящей статьи дела студентов, ставших впоследствии известными советскими функционерами, а в те времена они были почти сокурсниками нашего героя.

Леон (Лев) Михайлович Караханов (Карахан) поступил на юридический факультет в 1911 г., выбыл в Томский университет в 1915 г.³ – советский государственный деятель, дипломат, заместитель наркома иностранных дел СССР, расстрелян в 1937 г.

Николай Васильевич Крыленков (Крыленко) – первый советский Главоверх, прокурор республики, первый нарком юстиции СССР, учился на юридическом факультете в 1909–1914 гг., предварительно окончив полный курс историко-филологического факультета. Расстрелян в 1938 г.

Любопытно, что И.Л. Солоневич не вспоминал задним числом ни этих, ни других ставших известными в последующие годы своих соучеников по факультету. Независимо от того, в какой области они прославились – в политике или на дипломатическом поприще, как литераторы или художники. Может, это связано с так называемой густонаселенностью юрфака тех лет, на которую указывает И.П. Воронин. А может, с тем обстоятельством, что, по словам того же биографа, «нельзя сказать, что Иван Солоневич учился в Петербурге, а на родине появлялся лишь наездами. Совсем наоборот: большую часть года он проводил в Белоруссии, а в столице Империи наведывался по университетской необходимости»⁴. Да и многие его соученики по факультету занимались не только наукой. В любом случае, Солоневич не афиширует возможное личное знакомство с представителями советского Олимпа.

Если сравнить веки биографии двух студентов – Л. Караханова и И. Солоневича, обнаружим несколько пересекающихся моментов. Солоневич – белорус, поступил в университет с западных территорий империи, женился на втором году обучения. Караханов – армянин, первые четыре класса гимназии закончил в Тифлисе, завершал обучение во Владивостоке. Удивительно, но будущему дипломату хуже всего давались языки: русский, латинский, немецкий были оценены на хорошо, французский – удовлетворительно, остальные предметы были сданы на отлично⁵. Караханов уже к моменту поступления в университет был женат. Так же как и Солоневич, он занимался журналистикой – был аккредитованным журналистом Государственной думы. А кроме того, и у него оказались интересы, чуждые науке. Студент Караханов участвовал в подготовке свержения царизма. И в 1915 г. вынужден был перевестись в Томский университет⁶.

Десятилетия спустя в своей эмигрантской публицистике И.Л. Солоневич не раз возвращается на студенческую скамью, чтобы донести до своего читателя авторскую «раздражающую», по собственным словам, концепцию русской революции. В том, что в России произошла революция, он корил представителей гуманитарной науки: «Они говорили нам, что они, профессора, философы и прочее – есть наука, самая современная наука человечества. Что они, профессора и философы, действуют истинно научными методами и предлагают нам единственно научный способ лечения. Мы, профаны и неучи, студенты и даже приват-доценты – взирали на профессоров и философов снизу вверх: вот это – специалисты, эксперты, представители научного знания. Специалисты

Солоневич-студент университета (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61273. Л. 2).

определили болезнь: самодержавие. Специалисты предложили рецепт: революция. Специалисты предсказали и ход лечения: великая, бескровная, эволюция, нормализация»⁷. Кого же конкретно обвинял Солоневич? Он называл целый ряд фамилий, среди которых заслуженные деятели отечественной науки, представляющие и Петербургский университет. Солоневич писал: «В этих непечатных университетах нам преподавали: Милюковы, Новгородцевы, Устряловы, Туган-Барановские, Ивановы-Разумники – и наполняли наши головы тем вздором, который, как мне кажется, сейчас должен быть бы совершенно очевидным для всякого нормального человека. Кто – в наших университетах – познакомил нас с истинно страшной сводкой предупреждений и предсказаний всех первых мозгов России – от Карамзина до Розанова? От Ломоносова до Менделеева? От Лермонтова до Блока? <...> И какие новые профессора появятся еще на нашем кровавом горизонте – с новыми пророчествами о новом невыразимо прекрасном будущем, о новой великой и бескровной революции, о перевоспитании кое-как оставшихся русских людей по самым научным основам самого-самого нового «изма»?»⁸

Чи же лекции в действительности слушали на юридическом факультете Солоневич, Караханов, Крыленков и другие универсанты? Из личного дела студента Л. Караханова мы, к сожалению, также не сможем узнать, какие предметы он должен был постичь за время обучения. Как свидетельствуют материалы дела, 1 октября 1912 г. Караханов потерял матрикул, о чем заявил в сыскную полицию⁹. Более того, в октябре 1915 г. он вновь заявил о пропаже студенческих документов – матрикула, квитанций и входного билета в университет. Его учебные дела в Петроградском университете завершал однокурсник В.Т. Тер-Оганезов, а сам Караханов был отправлен в административную ссылку в Томск за свою революционную деятельность.

В отличие от первых двух универсантов значительно большее прилежание в учебе демонстрировал Н.В. Крыленков, единственный из нашей троицы, нашедший впоследствии прямое применение своему юридическому образованию. Николай Васильевич родился в 1885 г., с отличием окончил гимназию, проявив особую склонность к изучению русской литературы. Затем пошел по стопам отца и поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, погрузившись одновременно в водоворот событий первой русской революции. Он завершил весь курс обучения, сдал положенные испытания, не предоставив, однако, в комиссию зачетного сочинения¹⁰. Тем не менее блестящие способности и продвижение по политической стезе привели его на юридический факультет, где Крыленков успевал в перерывах между арестами, участием в рабочем и пропагандистском движении слушать лекции и получать зачеты. Его матрикул с отметками (исключительно «весьма») сохранился в личном деле¹¹.

Итак, вот и список читаемых в тот период на факультете курсов: энциклопедия права (Петражицкий); история римского права (Покровский); история русского права (Дьяконов, Латкин); политическая экономия (Туган-Барановский); государственное право (Ивановский); статистика (Кауфман); догма римского права (Гримм); история философии права (Петражицкий); русское государственное право (Ивановский); полицейское право (Гессен); теория финансов (Озеров); история хозяйственного права (Кулишер); история политических учений (Сперанский); гражданское право (Пергамен); уголовное право (Жижиленко); церковное право (Бенешевич); торговое право (Никонов); международное право (Пиленко).

Из упомянутых выше лекторов в воспоминаниях Солоневича фигурирует только профессор политэкономии Петербургского университета М.И. Туган-Барановский, лично виновный, по его мнению, в революционном растлении молодежи. Историю их сближения и конфликта изложим словами Н. Никандрова. Студент Солоневич очень ненадолго увлекся этой наукой, считая, что использование

ее постулатов позволит ему не только «правильно» интерпретировать сложные процессы, происходящие в России, но и наметить пути в будущее, чтобы с четко выверенных позиций обустроить российскую жизнь. Студент-белорус, жадно впитывавший каждое слово, произнесенное с кафедры, и задававший несколько корявые, но неизменно острые вопросы, не мог не привлечь внимание мэтра. Они встретились несколько раз за пределами университетских стен, но настоящего сближения не произошло. Солоневич так прокомментировал ситуацию: «По тем временам – 1912–1916 годы – я возлагал некоторую надежду на науку политической экономии. Наука, в лице профессора Туган-Барановского, возлагала некоторые надежды и на меня. Кажется, разочаровались обе стороны»¹². В недолгие месяцы близкого общения с профессором Иван протудировал тома «Капитала», познакомился с трудами российских последователей К. Маркса, в том числе самого Туган-Барановского и П.Б. Струве. Вспоминая о «зablуждениях» студенческих лет, Солоневич писал: «Если бы это было юридически возможно, в эмиграции я предъявил бы проф. Туган-Барановскому иск за нанесения увечий моим мозгам: сейчас мне совершенно ясно, что после курса Туган-Барановского я во всем, что касается народного и вообще человеческого хозяйства, вышел еще большим дураком, чем был до курса. Можно было бы предъявить и иск об изувеченной жизни: наука товарища Туган-Барановского проповедовала как раз те пятилетки, которые на нас всех и свалились»¹³.

Остается, однако, открытым вопрос: сдавал ли экзамен Иван Солоневич профессору Туган-Барановскому? В архивной справке, составленной к заседанию Правления юридического факультета 9 февраля 1917 г., на котором рассматривалось прошение И. Солоневича о восстановлении в число студентов университета, в категории «Успехи» значился лишь один сданный за период обучения экзамен¹⁴. Тем не менее Солоневич позволял себе высказывать суждения об умственных способностях уважаемого профессора, а его современный биограф ища подтверждения подобной характеристики среди эмигрантских мемуаристов. Он приводит слова известной кадетской дамы А.В. Тырковой-Вильямс, отличавшейся умением создавать портреты своих единомышленников и политических оппонентов, но, будучи в приятельских отношениях со многими героями своих воспоминаний, она на то имела гораздо большее право, нежели недоучившийся студент¹⁵. Историки экономической науки признают научный авторитет М.И. Туган-Барановского и сегодня, а его младший современник, основатель Конъюнктурного института, автор теории экономических циклов и также выпускник Петербургского университета Н.Д. Кондратьев писал: «Можно смело утверждать, что М.И. в области экономической теории был первым, кто заставил европейскую мысль серьезно прислушаться к движению ее на востоке Европы, в России. Он стал не только вровень с эпохой, но только вровень с научно-экономической мыслью передовых стран, но он мог содействовать прогрессу ее, в силу этого он больше, чем кто-либо, способствовал тому, чтобы поставить русскую экономическую науку в ряд с европейскими. С этой точки зрения М.И. является симптомом нарастающей мощи русской экономической мысли и фактором ее»¹⁶.

Однако для Солоневича профессор Туган-Барановский олицетворял собой научное сообщество, повинное в разрушении веры в русскую монархию. Он считал ученых дармоедами, подчеркивая мягкость самодержавия по отношению к либеральным преподавателям: «Наивный и патриархальный старый режим оплачивал кафедры, гонорары, давал пенсии и синекуры и тому, кому следовало, и тому, кому вовсе не следовало. Так что марксистский профессор Туган-Барановский, который несколько неудачно обучал меня в университете революционной стратегии и тактике, получал жалованье – очень большое жалованье – как раз от тех людей, которых он собирался ликвидировать как класс»¹⁷.

Затронув финансовый вопрос, стоит здесь напомнить, что обучение в университете для большинства студентов

1910-х гг. было платным, и, как полагается в таких случаях, за неуплату причитающейся суммы студент должен был быть отчислен. Что и произошло с И. Солоневичем в марте 1915 г.¹⁸ За время обучения он сумел вырасти от провинциального журналиста в семейном предприятии до репортера (правда, рядового) одной из крупнейших газет предреволюционной эпохи – суворинского «Нового времени» и, нарушив университетский устав, жениться. В студенческом деле имеется его собственный запрос в канцелярию университета о формальностях, какими «обставлено получение разрешения на вступление в брак»¹⁹ (штампель о получении от 8 августа 1914 г.). На что в канцелярии был составлен ответ (в деле рукопись на бланке) и, по-видимому, отправлен 12 августа 1914 г.: «Канцелярия СПбУ уведомляет Вас, что для получения разрешения Вам необходимо подать прилагаемое при сем прошение и представить свидетельство об отсрочке по воинской повинности»²⁰. Поскольку точная дата венчания И.Л. Солоневича и Т.В. Воскресенской неизвестна²¹, сложно сказать, решил ли студент, женившись, выяснить последствия этого шага в учебном отношении или послал этот запрос заблаговременно, но не оформил положенных бумаг. Тем не менее изменение личного статуса в конечном итоге привело к отчислению с юридического факультета. И несостоявшийся юрист впоследствии недобрым словом вспоминал своих учителей: «Я, более или менее, окончил Санкт-Петербургский императорский и социалистический университет. Я был больше чем невежественным: все кафедры и все профессора этого университета позаботились снабдить меня самым современным прицельным приспособлением, которое гарантировало промах на сто восемьдесят градусов. Если исключить гражданское право и сенатские разьянения, что должно было в будущем гарантировать мне буржуазные гонорары на фоне пролетарской идеологии, то все остальное было или никому ненужной схоластикой, или совершенно заведомым враньем, которое должно быть уголовно наказуемым во всяком добросовестно организованном обществе»²².

А между тем многие универсанты той эпохи – выпускники юридического факультета стали известными юристами,

экономистами, социологами, нашли себя в творчестве и искусстве. Да и сам И.Л. Солоневич известен не как юрист, спортсмен или журналист, а как автор, давший жизнь произведению – памятнику жертвам политических репрессий в Советском Союзе, и теоретик неомонархизма, имеющего приверженцев и в современной России. Своими университетами он считал не только Санкт-Петербургский университет. Даже в послевоенный период Солоневич неустанно повторял в своей публицистике: «Я, значит, прошел весь курс обычного российского обучения, немецкие шпаргалки в гимназии и немецкие шпаргалки в университете <...> Потом я прошел самый высший курс российского обучения: концентрационный лагерь <...> Об этом университете я пишу в своих нынешних книгах <...> Вся германская профессура была совершенно уверена в победе Германии – я, футболист, был абсолютно убежден в разгроме. Вся русская профессура проповедовала “эволюцию советской власти”, я, футболист, был совершенно убежден в дальнейшей дыре. В обоих я оказался прав.

Эту правоту можно обосновать *только* двумя положениями: или моей гениальностью, или профессорской тупостью <...> Ни в России, ни в Германии не было людей, которые что бы то ни было предвидели хуже русской и немецкой профессуры <...> Но ведь именно эти профессора учили нас – и русскую, и немецкую молодежь. Это именно они писали учебники и курсы истории, политической экономии, социологии и даже философии <...> Нас вели *слепые тупицы* – и привели нас в кровавую яму. <...> Представители гуманитарных наук есть самый глупый слой современного человечества. Глупее их – в мире нет *никого*. Но они же есть и наиболее самоуверенные люди в мире: самоувереннее их в мире тоже нет *никого*»²³.

Завершая этот небольшой очерк, отметим, что в 1917 г. И. Солоневич был возвращен в число студентов университета, но документов, свидетельствующих об окончании им полного курса юридического факультета, не обнаружено. Кредо «науконенавистника» вряд ли прибавит поклонников публицистическому таланту И.Л. Солоневича, но позволит продолжить нам размышлять о судьбах политических эмигрантов, искать причины разлада в российском обществе начала – первой половины XX в.

¹ Никандров Н. Иван Солоневич. Народный монархист. М., 2007; Воронин И.П. Гражданин империи. Очерк жизни и творчества Ивана Лукьяновича Солоневича. М., 2013; Солоневич И.Л. 1) Наша страна. XX век / Сост., вступ. ст. и примеч. М.Б. Смолина. М., 2001; 2) Народная монархия. М., 2003 и послед.; 3) Россия в концлагере. М., 2005 и послед.; 4) Загадка и разгадка России. М., 2013; а также см. электронные ресурсы: <http://rospil.ru/> и <http://solonevich.narod.ru/>

² Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 3. Д. 61273. Л. 11. – Нам известна публикация Т.Д. Исмагуловой: И.Л. Солоневич в Санкт-Петербурге (по материалам студенческого дела) // Иван Солоневич – идеолог Народной монархии: Материалы II науч.-практ. конф.: Санкт-Петербург, 25 апреля 2004 г. СПб., 2005), но поскольку автору настоящей статьи удалось лично ознакомиться со студенческим делом, мы будем ссылаться непосредственно на него.

³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 59559.

⁴ Воронин И.П. Гражданин империи. С. 51.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 59559. Л. 6.

⁶ Там же. Л. 35.

⁷ Солоневич И.Л. Загадка и разгадка России. С. 111.

⁸ Солоневич И.Л. Наша страна. С. 67–68.

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 59559. Л. 19.

¹⁰ Там же. Д. 55378. Л. 49.

¹¹ Там же. Л. 12–16.

¹² Никандров Н. Иван Солоневич. С. 29.

¹³ Там же.

¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61273. Л. 3–4.

¹⁵ Тыркова-Вильямс, как и Солоневич, проронила в адрес профессора слово «дурак» и тут же смягчила его: «Это... очень упрощенное суждение. Дураком Туган, конечно, не был, но была в нем доля нелепости, слепоты, иногда граничащей с тупостью...». – Цит. по: Никандров Н. Иван Солоневич. С. 29–30.

¹⁶ Неизвестный М.И. Туган-Барановский / Отв. ред. Л.Д. Широкоград, А.Л. Дмитриев. СПб., 2008. С. 3.

¹⁷ Солоневич И.Л. Загадка и разгадка России. С. 50.

¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61273. Л. 4.

¹⁹ Там же. Л. 16.

²⁰ Там же.

²¹ Воронин И.П. Гражданин империи. С. 59.

²² Солоневич И.Л. Диктатура слоя. Буэнос-Айрес, 1956. С. 166–168. Цит. по: Воронин И.П. Гражданин империи. С. 76.

²³ Солоневич И.Л. Загадка и разгадка России. С. 107–109.